

Генеалог Семёнов Виталий представляет перевод с сербского языка лучшего рассказа о смысле генеалогических исследований:

Данило Киш

Энциклопедия мёртвых

But I'm just a soul whose intentions are good
Oh Lord! Please don't let me be misunderstood...

Предисловие переводчика

Об «Энциклопедии» я впервые услышал в далёком 1993-м, когда работал в археологической экспедиции «Патрей» незабвенного моего учителя, ныне покойного Андрея Петровича Абрамова.

Возможно, об «Энциклопедии» рассказал болгарин Огнян, который читал её в оригинале, а может кто-то другой — пути того, как к нам приходит информация, неисповедимы. Ясно одно — этот путь точно был интересным, потому что «Энциклопедия» не была переведена на русский (хотя уже переведена на украинский).

Потом я вставлял название этой книги во все свои лекции и в свой учебник генеалогии для подростков, не прочитав её. В оправдание могу сказать, что найти её было непросто: через интернет был доступен только перевод на французский.

Всё к лучшему: я нашёл «Энциклопедию» на книжном развале в Сараево. Я не мог её не перевести.

«Энциклопедия смерти» - это тоненький (в 100 страниц), сборник рассказов Данило Киша (1935-1989), югославского автора который писал на сербохорватском, но знал много языков, в том числе и русский. Лишь малая часть книг Киша переведена на русский язык.

Все рассказы сборника «Энциклопедия смерти» связаны темой памяти и нарратива, то есть соотношением между жизнью, случившемся, и рассказанной историей, трансляцией.

В основе рассказа: таинственная секта, цель которой — составлять «Энциклопедию мёртвых»: подробное описание жизни неизвестных, неизвестных людей. Секта существует только 200 лет - примерно со времен Французской революции, она

не связана ни с одной существующей религией. В эпилоге к сборнику Данило пишет о том, что такая секта действительно существует — это мормоны, то есть представители Церкви Иисуса Христа святых последних дней.

Роль мормонов в сохранении генеалогических источников сложно переоценить, но мормоны — это церковь, в их религиозном учении человек должен заниматься генеалогическими исследованиями и не из любви к процессу, а потому что мормонам предписано произвести обряд «удалённого крещения» в веру Церкви умерших родственников (которые мормонами не были). Для мормонов генеалогия хоть и важный, но сторонний процесс. В Книге же обсуждается тайный кружок, у которого сохранение памяти о людях — основная задача.

На мой взгляд, такая «секта» действительно существует — это генеалоги.

Я — генеалог. Это мой хлеб. Всё ли правдоподобно описывает Данило? Нет!

Отец героини — хороший человек. Он не совершает плохих поступков, максимум что некрасивого с ним случается — это понос после отравления голубцами, а из его отрицательных поступков - шашни с какой-то официанткой, когда герой уже женат, и скверный характер в старости. Даже маршруты, которые прописывает Киш, невероятно малы для русского читателя — в Энциклопедии описаны послевоенные поездки героя в переполненном грузовике, но эта информация воспринимается совсем по другому, если знать, что расстояние между населёнными пунктами — 8 километров.

В жизни самого Киша драматургии было достаточно, его отцом был венгерский еврей, который погиб в Освенциме, но своего героя Киш делает добрым маленьким человеком в сложных обстоятельствах истории Югославии XX века.

Героине не надо оправдывать своего отца, она даже не думает о том, что её отец умудрился прожить XX век хорошим человеком. Для неё это нормально.

На самом деле это, - большая редкость, особенно в России.

Даже работая с «выхолощенными» документами архивов я вижу — человек в XX веке как никогда находился между Богом и Дьяволом и постоянно был вынужден выбирать между первым и вторым. Ещё чаще он чувствовал себя покинутым и тем и другим.

И большая часть информации об этой борьбе уходит с человеком в могилу и не может быть восстановлена никакой Энциклопедией. Эта та информация, которая не поддаётся трансляции.

Югославия одновременно близка и далека от нас — в книге много упоминаний России и русских, Сталина и Москвы, военный и послевоенный быт через предметы пытался донести до нас почти что одногодка Киша — Андрей Тарковский (он родился в 1932-м, а Киш — в 1935-м) в своём фильме «Зеркало» (снят в 1974, тогда как «Энциклопедия» написана в 1981-м). Тарковский пытался показать то же время, что и Киш через предметы и знаки, которые безошибочно узнавались зрителем 1970-1980-х, но почти не узнаваемы для нынешнего поколения. Но у Тарковского был язык кино, у Киша — только язык текста.

Мы не получаем ответа, кто они — составители Энциклопедии. Как они действуют, как присутствуют в нашей жизни. Это, совершенно точно, не

магия — у Киша нет «магизма» и «фэнтази», все его географические пункты и исторические события реальны, у Киша есть «магический реализм». Где были составители Энциклопедии, когда рядом с домом главного героя проезжал советский танк? Мы не получаем ответа.

В старости главного героя разворачивается основная драматургия его жизни: его гложет тоска. С этого момента рассказ становится по настоящему интересен — мы хотим понять: почему?

И не получаем на это ответа, Киш, будучи гуманистом высочайшего класса, свято веря в добро «маленького человека», отказывает нам в рациональности его жизни, в чёткой причинно-следственной связи. Хороший человек Дж.М. становится сварливым стариком просто так, но вскоре находит выход.

Точнее, ВЫХОД находит его.

И за этого Кишу надо быть благодарным. Миссия его рассказа, миссия придуманной им секты «Чтобы в минуты отчаянья вспоминать, что есть на свете те, кто доказали, что его жизнь не была напрасна, что всякая жизнь, всякое страдание и история каждого маленького человека сохранена ими», нужна не мёртвым, а живым. Она ничего не добавляет, и не объясняет в жизни главного героя, но она очень важна для его дочери, потерявшей в жизни после смерти отца.

Секта «Энциклопедии» существует. Это мы сами. Только мы и можем составить Энциклопедию близких нам людей и найти те моменты, в которых их жизнь и их страдание не были напрасными. Но утешением такая работа будет не им, а нам.

Дамы и господа, впервые на русском языке лучший рассказ о смысле генеалогических исследований: Данило Киш «Энциклопедия мёртвых».

Историк-генеалог Семёнов Виталий, декабрь 2017 года, Москва.

Данило Киш

«Энциклопедия мёртвых» (Целая жизнь)

Посвящается М.

В прошлом году, как вы знаете, я ездила в Швецию по приглашению Института театроведения. Смотрела пять-семь работ, из которых стоит упомянуть «В ожидании Годо» с актёрами-заключёнными. После десяти дней, когда я вернулась домой, сама эта поездка показалась мне сном.

Госпожа Йохансон была моим чичероне. Кристина Йохансон была женщиной активной и поставила цель показать за 10 дней всё, что стоит увидеть в Швеции, особенно то, «что стоит увидеть нам, девочкам». Конечно, мы не пропустили знаменитый парусник Ваза, что, поднятый со дна после стольких веков, законсервировался как мумия.

Однажды вечером, после представления «Сонаты призрака¹» в местном Драматическом, моя провожатая повела меня в Королевскую библиотеку, я лишь успела схватить сэндвич в баре.

Было уже 11 вечера и Библиотека была закрыта, но Йохансон показала вахтёру какую-то бумагу и он пропустил нас, недовольно бурча что-то под нос. У него была внушительная связка ключей, как у такого же вахтёра, который раньше пропустил нас с чёрного входа на премьеру «В ожидании Годо».

Моя гидесса вручила меня этому Церберу и сказала, что встретит меня утром в отеле, а я пока могу спокойно посмотреть Библиотеку, а когда закончу, «господин охранник» вызовет мне такси. Мне ничего не оставалось делать как согласиться. Охранник довёл меня до каких-то тяжёлых дверей, открыл их, зажёл тусклое дежурное освещение и оставил меня одну.

Я слышала как провернулся ключ в замке и оказалась запертой в библиотеке, как в каземате. Откуда-то еле слышно дул воздух, шевеля густую паутину, что как старая грязная марля спускалась с полок с книгами словно в старом винном погребе. Все комнаты были одинаковыми, соединёнными узким коридором и везде был этот сквозняк, источник которого я никак не могла найти.

Потом я поняла, прежде чем взяла в руки, собственно, сами книги (по-моему, тогда, когда увидела на корешках в третьей комнате третью букву алфавита — то есть букву «С»), что все комнаты заставлены одними и теми же томами, а именно Энциклопедией.

Гонимая неясным предчувствием, я вглядывалась в переплёты внимательнее. Мои шаги гулко звучали в анфиладе и тонули где-то далеко впереди, в непроглядной мгле. Запыхавшись, дошла я,

наконец, до зала «М» и с совершенно осознанным и ясным ожиданием, открыла один из томов.

Я когда-то читала о ней, о знаменитой Энциклопедии мёртвых, и то, что это она, я поняла ещё перед тем, как открыть массивный том.

Первое, что я увидела, была фотография помещённая между строчками убористого текста в две колонки. Фотография, которую вы видели на моём письменном столе. Снято 12 ноября 1936 года в Мариборе, в день его демобилизации. Под снимком его имя и даты в скобках — 1910-1979.

Вы знаете что мой отец умер недавно и как я была к нему привязана ещё с детских лет, но я не о том... Я хочу сказать, что он умер за два месяца до моей шведской командировки! Я и согласилась на эту поездку, чтобы в дорожной суете забыть ту печаль, которая поселилась во мне после его смерти.

Прислонившись к шатким деревянным полкам, я держала книгу в руках и читала его биографию, забыв обо всём на свете. Тут, как в средневековых библиотеках, у книг через переплёт был пропущена увесистая цепочка, которая крепилась к петле на полке. Я сама это поняла, когда попыталась поднести толстый том ближе к лампочке.

Меня вдруг охватил страх, что Цербер (как я про себя прозвала вахтёра), вдруг войдёт в залу и скажет, что, мол, пора собираться, дамочка, задержались, - и я начала сбивчиво читать, параграф за параграфом, подтащив томину, насколько это позволяла цепочка, ближе к тусклому свету.

Жирная пыль по краям, как и нетронутая паутина на полках явно говорила о том, что книги давно никто не беспокоил. Фолианты были намертво прикованы к полкам, как рабы на галерах, - раз и навсегда. Замка не было.

Так вот ты какая, знаменитая Энциклопедия мёртвых! - думала я. А я представляла, ты какой-то памятник древности, как Тибетская книга мёртвых, Жития святых или Каббала, такая эзотерическая жемчужина человеческого духа, которая больше подходит отшельнику, учёному раввину или монаху.

Я поймала себя на том, что больше и больше погружаюсь в чтение, и что от этой ночи у меня не останется никого материального напоминания об этой Книге, у меня - его дочери, а вместе со мной и у моей матери, которой не было сейчас тут, - и судорожно стала переписывать самые важные страницы отцовской биографии.

¹ В оригинале Spöksonaten — классическая театральная постановка по пьесе шведского драматурга Августа Стринберга

Для любого другого человека на свете, кроме меня и моей матери, то, что было написано в этой книге было несущественно, неважно – имена, места, даты. И я стремилась успеть записать.

Я увидела то, что делает эту Энциклопедию уникальной: в ней приведены пейзажи, детали, встречи, все те штрихи, которые наполняют жизнь человека. Сведения о его рождении были кратки и точны: Кралевчаны, община Глина, Сисакская волость, область Бания²), но далее шёл рассказ о географических и исторических особенностях местности, и такой, что читатель как будто бы сам побывал в этих местах. Как будто бы сам видел снег на далёких горах, голые деревья, заледеневшую реку, на которой, как на картинах Брейгеля, катаются на коньках дети. Среди них я увидела его, моего отца, тогда, когда он ещё не был мой отец.

И потом вдруг всё раскрасилось, деревья позеленели, вспыхнули цветы боярышника, солнце высоко возшло над Кралевчанами, зазвонили звоны на сельской колоколенке, тёплой оранжью потекли окна домов, отражая лучи, закапали на карнизах сосульки.

Я вижу, как мой отец видел: погребальную процессию, четыре крепких гологлавых мужика несут на плечах домовину, а впереди процессии, с картузом в руке, тот, кого я знаю – так и было написано в Энциклопедии, дед Марк – отец отца, муж покойницы, которую провожают в вечный путь. Тут написано всё: возраст, причина болезни, ход болезни, в чём её хоронили, кто её обмыл перед положением во гроб, кто положил на глаза монеты³, кто подвязал подбородок, кто тесал гроб, где срубили под него дерево.

Эти детали помогут вам понять хотя бы приблизительно, какое количество сведений, деталей, было сохранено теми, кто взял на себя тяжкий и важный труд – сохранить знание о завершивших свой земной путь и отошедших к Жизни Вечной. Ибо они веруют в Жизнь Вечную и этой огромной картотекой приближают час Её прихода, так, чтобы после воскресения каждый смог найти не только своих близких рядом с собой, но, главное, свою забытую жизнь. Этот великий регистр будет тогда единственным источником воспоминаний, единственным доказательством жизни.

Для составителей не было разницы между жизнью банийского торговца и его жены, сельского попа

(а им был мой прадед) и сельского звонаря, некого Чука, имя которого также было записано в Книгу.

Единственное условие – сначала я сама начала догадываться, а уже потом проверила: в Энциклопедии были имена только тех, кто не был упомянут ни в одной другой земной энциклопедии. Ни в одном из сотни томов на букву «М» не было знаменитостей, ни Мажуранича⁴, ни Мейерхольда, ни Мальмберга⁵, ни Маретича⁶, по чьей грамматике учился мой отец, ни Мештровича⁷, которого я как-то встретила на улице, ни Драгослава Максимовича, с которым был знаком мой дед, ни Тасы Милоевича⁸, переводчика Каутского, с кем мой отец как-то разговаривал о российском императоре. Миссия Энциклопедии была миссией церкви с гарантией равенства хотя бы после смерти, миссией исправления всей кривды, сделанной человеку при жизни, и билетом для каждого в Жизнь Вечную.

Энциклопедия не заходила глубоко в древность, самые ранние из её героев умерли после 1789 года. Эта странная каста интеллектуалов отправляет по всему миру своих приверженцев, которые роются в биографиях и некрологах упорно и тайно, а затем, обработав результаты, отправляют их в штаб-квартиру в Стокгольм (и, на мгновение подумала я, может и госпожа Йохансон их адепт? И не потому ли она привела меня в эту Библиотеку после того как я рассказала ей о своей утрате, чтобы я открыла Энциклопедию мёртвых и нашла там зерно утешения?) Всё, что я знаю о них, состоит в том, что традиция их секретности идёт от долгой истории их преследований, да и сама по себе работа над Энциклопедией требует скрытности и уводит от людской суеты и соблазна.

Не меньшее чудо – это стиль их языка, этот невероятный сплав энциклопедической лапидарности и библейского красноречия. Та скудная информация, которую я наспех записала в своей записной книжке, всего в нескольких абзацах спрессовала в себе такую насыщенность, что, читая её, как по волшебству, видишь перед собой озарённый солнцем горизонт, пролетающие перед глазами фотографии и образы.

Вот по жаре летнего дня, по горной равнине несут трёхлетнего малыша, несёт его дед моего отца с материнской стороны, а сзади, на втором плане видно войско, солдаты, жандармы, чувствуется далёкий топот и лаianie собак. Это сжатые

² Данило Киш указывает реальную географическую местность. Во времена написания рассказа эта область, которая сейчас относится к центральной Хорватии, была населена сербами. В результате гражданской войны 1990-х большинство сербов покинуло этот регион. Область Бания сейчас называется Банина.

³ Старинный обычай, идущий с языческих времён: мёртвые не должны видеть живых, поэтому монеты выполняли функцию оберега.

⁴ **Мажуранич Иван** (1814-1890) хорватский поэт, многое сделал для развития сербохорватского языка в XIX веке, национальная политика Броз Тито многое взяла из его работ об общей судьбе и языке «иллирийцев»

⁵ **Мальмберг Эрик** (1897-1964) шведский борец, неоднократный призёр Олимпийских игр.

⁶ **Маретич Томислав** (1854-1938) хорватский лингвист, составитель словарей и учебников.

⁷ **Мештрович Иван** (1883-1962) хорватский скульптор.

⁸ Мне не удалось найти сведений кто такой Драгослав Максимович и Таса Милоевич и чем они известны.

эпизоды Первой мировой, грохот паровоза, что идёт через городок, играет блех-музыка⁹, льётся тонкая струйка воды в чутурицу¹⁰, бьётся стекло, вьётся на ветру марама¹¹, - всё в этих кратких параграфах, всё в поэтической, образной метафоре, не всегда хронологически точной, а в своём небывалом времени, симбиозе прошлого, настоящего и будущего.

Как по другому объяснить «фотокарточки» его первых пяти лет, проведённых у деда в Комоговине¹², о которых он любил говорить, что это были лучшие годы его жизни. Плотны пригнанные друг к другу «снимки» его детства, смысловые подтемы: учителя, лучшие друзья, «лучшие моменты детства»: смеющееся лицо, по которому бежит дождь, купание в речке, катание на санках, ловля на удочку, и вместе с тем — возвращение солдат с Первой Мировой, чутурица-фляжка в детской руке, противогаз с разбитым стеклом около дороги. И имена, биографии.. Встреча вдовца Марка с Софьей Ребрач, родом из Комоговины, венчание, свадьба, поздравления, ржание сельской тройки, звон бубенцов и трепетанье лент на ветру, обмен кольцами, круг и песни у церковного крыльца, мальчик в праздничной одежде, в белой рубашке с веточкой розмарина¹³.

В моих пометках я записала просто «Кролевчаны¹⁴», но в Энциклопедии это было изложено в нескольких абзацах с именами и датами, было отмечено время утреннего пробуждения, как кукушка на ходиках будила дом и как мальчик просыпался от глубокого сна. Записано имя кучера, имя соседей, которые были с ними, портрет господина учителя и его торжественная речь, обращённая к новой матери мальчика, проповедь священника.

Ничто тут, казалось, не упущено, ничто не забыто: ни придорожные пейзажи, ни цвет неба, костюм жениха был описан в мелочах. Были тут авторы учебников, названия «книг для юношества», полных старомодных добрых советов, поучительных рассказов и библейских историй.

Каждый новый опыт, каждый пойманный на удочку пескарик, каждая прочитанная страница, каждая сорванный полевой цветок.

Потом — юношество: первая шляпа, первая поездка фиакром, вот и имя девчонки, слова песни, что в то время пели, текст первого любовного письма, ответ на него, которое он прочитал — целая пора жизни, сжатая в одном абзаце.

И вот мы перенеслись в Руму¹⁵, где мой отец пошёл в гимназию. Пусть вам покажет лишь один пример, насколько авторы Энциклопедии всё знали, насколько у меня захватило дыхание перед эрудицией её авторов, перед желанием ничего не забыть из того, что составляет человеческую жизнь. В Энциклопедии было краткое описание истории Румы, её климата, железнодорожное расписание, название местной типографии и какие газеты и книги печатались, афиши театров на гастролях и программы цирков-шапито, список местных цыган. Вот и картинка — какой-то подросток, облокотившись на ствол дерева, шепчет на ухо девчонки что-то фривольное (текст приводится полностью). А вот и железная дорога, типография, «Покондирена тыква»¹⁶, цирковой слон, дорога, которая шла из Румы на Шабац.

Тут же — отрывок из школьного дневника, оценки, рисунки-чертежи, имена друзей, все до 7 «Б» класса, когда парень повздорил с профессором Л.Д., учителем истории и географии.

1928 год, мы видим его в сердце уже другого города, на гимназической фуражке цифра «8», он отпустил бакенбарды, которые будут у него всю оставшуюся жизнь. Незадолго перед смертью он неправильно забрил их по небрежности и, расстроившись, совсем сбрил. Увидевши его, я тогда заплакала — передо мной был какой-то совсем другой человек. В этом плаче было предчувствие, мгновенное осознание того, как мне будет его не хватать, когда его уже не будет. Вот он в Городской Кофейне, а вот в Синематографе, где играет тапёр и на экране «Путешествие на Луну», потом он на Площади Елачича¹⁷ перед тумбой с афишами, из под которых ещё течёт клей и на одной из них — приглашение на лекции Крлежа¹⁸.

Анна-Еремия — его тётка по матери у которой жил на Юришечевой улице¹⁹, её имя тут стоит перед

⁹ **Блех-музыка-балканская** (в основном, южно-балканская) народная музыка, построенная на цыганско-еврейских ритмах с основной ролью трубы (в отличие от скрипки в клезмере) и барабана с ударными. Русскому читателю знакома по фильмам Кустурицы, где широко используется.

¹⁰ **Чутурица** - балканская походная фляжка, круглая в «фас» и плоская в «профиль». По форме напоминает небольшой бубен с горлышком.

¹¹ **Марама** - сербский головной убор, платок-бандана, которым мужчины повязывали голову в дороге, однако, в отличие от женщин, узел располагался не спереди, а сзади, на шее, таким образом, платок не только закрывал голову, но и спасал шею от солнечного ожога.

¹² Сербский православный монастырь и деревня в местности Бания (сейчас Сисацко-Мославинская жупания Хорватии)

¹³ Сербь вшивают на свадьбу в одежду веточку розмарина от глаза.

¹⁴ Село в Сисацко-Мославинской жупании современной Хорватии, недалеко от границы с Боснией и Герцеговиной и рядом с монастырём Комаговина.

¹⁵ **Рума** — городок в Воеводине (Сербия) рядом с городом Сремска Митровица и Шабац.

¹⁶ Классическая сербская комедия сербского драматурга Йована Поповича.

¹⁷ Автор рассказывает о Загребе. Площадь Йосипа Елачича — одна из центральных в Загребе.

¹⁸ **Мирослав Крлеж** (1893-1981) один из наиболее известных хорватских писателей.

¹⁹ Улица старого Загреба, ведёт к площади Елачича.

именем оперного певца Крижая²⁰, кого он встретил как-то в Верхнем замке²¹, Ивана Лабуса, сапожника, у кого поправлял башмаки и какого-то Анта Дутина, кому в пекарню заскакивал за булочками.

В Белград он приехал в 1929 году, вот проезжает Савский мост, охваченный радостной жадной встречи, отбивают такт колеса по гулким железным конструкциям, под мостом течёт мутнозелёная Сава, паровоз заезжает на вокзал и на выходе из вагона второго класса появляется мой отец, взволнованный встречей с незнакомым городом. Раннее утро, туман ещё не рассеялся, а из трубы парохода «Смедерево» клубится чёрный дым, хрипло гудит пароход, который идёт куда-то за Нови-Сад.

Мой отец прожил в Белграде около 50 лет, и та сумма жизни, тот итог почти 18 000 дней и ночей (438 000 часов) собран здесь, в Книге мёртвых, на 5-7 страницах и при этом чётко соблюдена хронология, время течёт, как река к устью — так и жизнь к смерти.

В сентябре 1929 года мой отец поступил в Школу геодезистов и Книга даёт краткую историю Школы, речь на начало учебного года директора Стойковича («Пожелаю будущим геодезистам верой и правдой служить Царю и Отечеству, ибо на вас возложена важная задача: нанести на карты новые границы нашей Родины»). Сад, где смешаны имена славных побед Первой мировой войны с не менее славными поражениями: Каймакчалан²², Мойковац²³, Цер²⁴, Колубара²⁵, Дрина²⁶, имена погибших учителей и студентов, оценки по начертательной геометрии и черчению, истории, закону божьему и чистописанию. Тут же и имя некой Розы-Роксаны, продавщицы цветов, за которой Дж.М. «волочился», как тогда говорили, также как и имена Боривоя-Бора Илича, кафанщика²⁷, Миленка Азания, портного, Косты Ставроского, у которого он утром покупал горячий бурек²⁸.

Фильмы и спортивные игры, даты поездок на Авалу и Космай²⁹, свадьбы и похороны, где присутствовал, названия улиц, где жил: Цетинская,

Царицы Милицы, Гаврилы Принципа, Царя Петра Первого, Князя Милоша, Пожешка, Каменичка, Космайская, Бранкова, имена авторов учебников географии, геометрии и планиметрии, названия любимых книг: «Горски Цар»³⁰, «Гайдук Станко»³¹, «Селячка Буна»³², литургии, цирковые представления, парады скаутских союзов, школьные события, конкурсы рисунков (где одна из его акварелей получила награду от жюри).

Тут и день когда запалил первую папиросу на школьном дворе по наускиванию какого-то Ивана Герасимова, сына русского эмигранта, который отвёл его, неделей позже, в одну известную тогда белградскую кафану, где играли цыгане и русские дворяне и офицеры плакали под балалайку и гитару. Торжественное открытие памятника на Калемегдане³³, отравление мороженым, купленным на Македонской, скрипучие ботиночки-нариман³⁴ на которые потратил перевод от отца за хорошо сданные экзамены.

Следующий параграф рассказывал о первой стажировке отца в Ужичкой Пожеге³⁵, на дворе 1933 год, с ним в телеге всё тот же Иван Герасимов, — мелят Сербию, составляют кадастровые планы, носят длинную линейку и теодолит попеременно. На головах — соломенные шляпы, ведь лето, солнце печёт, карабкаются на холм, ругаются. Начинаются осенние дожди, свиньи роют землю, раскричались куры да гуси, нужно спрятать теодолит, так как он может привлечь молнию. Зато вечером они пьют сливовицу у сельского учителя Миленковича, аппетитно крутится вертел в очаге, пьяный Герасимов матерится на сербском и русском, сливовица попала злая! Герасимов умрёт в ноябре того же года от воспаления лёгких, и это мой отец будет стоять у его смертной постели и слышать его стоны. Он же будет стоять у гроба, мять в руках картуз и думать о превратностях людских судеб.

Это то, что осталось в моей памяти и в моей записной книжке из того текста, что я записывала в

²⁰ Йосип Крижай — хорватский и словенский оперный певец

²¹ Часть старого Загреба

²² Битва при Каймакчалане 12-30 сентября 1916 года между сербскими и болгарскими войсками.

²³ Битва при Мойковаце 6-7 января 1916 года между черногорскими и австрийскими войсками.

²⁴ Битва при Цере — одна из первых побед союзников над Австро-Венгрией.

²⁵ Битве при Колубаре — одно из основных сражений на Балканском фронте Первой мировой войны 16 ноября -15 декабря 1914 г.

²⁶ Битва на Дрине 6 сентября — 4 октября 1914 года австрийских войск против сербов.

²⁷ Владелец кафаны — кафе, в Белграде часто — место встреч, общения и дискуссий.

²⁸ Булка из слоеного теста с сыром.

²⁹ Авала и Космай — горы, покрытые лесом рядом с Белградом, любимое место отдыха белградцев.

³⁰ «Горски Цар» — популярный роман сербского автора Светолика Ранковича.

³¹ «Гайдук Станко» — исторический роман Янко Веселиновича о борьбе сербов против турок.

³² «Селячка Буна» — название хорватского восстания под руководством Мати Губца и одноимённая книга о нём.

³³ Памятник в виде колонны с богатырём на ней работы хорватского скульптора Ивана Мештровича был открыт на белградском Калемегдане (крепость на стечении Дуная и Савы) в 1927 году. Открытие стало знаковым событием

³⁴ В оригинале «шими-ципеле» - «башмаки-шими» в значении «модная, яркая обувь».

³⁵ Пожега — крохотное местечко в 180 км от Белграда и в 25 от города Ужица.

спешке замёрзшими пальцами о всего лишь двух годах, на первый взгляд, скучных, малозначимых, когда Дж.М. с мая по ноябрь таскал чертильную доску и теодолит по горам и равнинам. День сменяет ночь, реки разливаются и возвращаются в свои русла, трава начинает вянуть, мой отец сидит в тени старой сливы, что растёт на высоком уступе, а за уступом далёкая молния освещает вечерние долины.

Летнее время, солнце печёт, а наши картографы (сейчас с ним некто Драгович) сворачивают на какую-то сельскую улицу (улица и номер дома), стучат в ворота, просят воду. Из дома выходит девушка, даёт им кувшин ледяной воды, как в той сказке. Эта девушка — моя будущая мать.

Вот день и толпа народа, свадьба по старым правилам, так, как мы представляем её в учебниках этнографии, но всё равно это так далеко от оригинала. Имена свидетелей и гостей, священника, что венчал, здравицы и песни, список подарков, чем богат стол. В ноябре пара перебирается в Белград, снимает маленькую комнату-печка, кровать, тут же и кабинет. Тут была видна главная мысль составителей Энциклопедии: ничто никогда не повторяется в человеческой жизни, даже если кажется, что у кого-то с кем-то что-то похоже. Каждый человек — звезда сам по себе, свеча, которая светит сейчас и никогда больше, полностью обновляя свой свет каждую секунду, каждое мгновение.

Поэтому составители Энциклопедии, этого величественного памятника Разному, настаивают на единичности, уникальности, потому что им каждая человеческая жизнь — святыня. Насколько овладела ими эта идея неповторимости каждой человеческой жизни, если они добавили в книгу имя того, кто регистрировал брак, имя священника, описание свадебных убранств, также как и место свадьбы — село Гледич, край Кралева³⁶ со всеми подробностями?!

Командировка моего отца «в поле» в самое жаркое время — с мая по ноябрь. Имя Йована Радойковича, в корчме которого пили ледяное вино и где его крупно обсчитали, имя ребёнка — Светозара, который мой отец крестил у какого-то Стевана Янича, имя доктора Левстика, словенца, сосланного в эти края, который прописал отцу лекарство от гастрита, имя какой-то Радмилы (Рады) Мавровой которую всю хотел завалить на сеновал и с которой распевал песни.

Причиной этой командировки стала работа по рекогносцировке для Пятой Пехотной дивизии, которая дислоцировалась в Мариборе, имена офицеров и прапорщиков, товарищей по палатке и казарме, качество питания в столовой, травма колена во время ночного марша, наказание за утерю казённой перчатки, имя кафаны, в которой пьянствовали во время побывки в Пожареваце — всё упомянуто здесь.

Эта банальная, как все командировки, слежебная поездка с точки зрения составителей Энциклопедии имела ценность в одном: в пожаревацкой казарме, молодой картограф Дж.М. вспоминал за монотонной работой как тогда, во второй половине 1935 года, во время ночного марша впервые увидел море...

Море он увидел в районе Велебитских гор³⁷ 28 апреля 1935 года первый раз за свои 25 лет. И эти 40 часов похода он хранил в своей памяти с такой интенсивностью, с такой силой, как будто это была тайна и откровение, о которых не говорят. Спустя годы он так и не был уверен, видел ли он именно море, или это было продолжение небосвода и единственное море, в котором он был уверен, было то, что он наносил на карты лазурью, где глубину изображают тёмным, а мели — светлым.

Эта внутренняя тайна была причиной того, почему он всю последующую жизнь отказывался от поездок на море во время отпуска, а люди ездили и ездили много — от профсоюзов и просто по путёвке. Был у него мистический страх, что реальное море может разрушить чудесное видение, чудесную тайну, которой он стал свидетелем 28 апреля на рассвете.

И он находил все возможные причины не ехать на море как банальный турист-курортник: то не было денег (это было недалеко от истины), не выносит солнца (хотя всю жизнь проработал под его палящими лучами) и «не надо пускать его по миру с этими отпусками, ему и в Белграде хорошо за опущенными шторами».

И всё-таки в 1975 году мы на него навалились — вместе с моей матерью и кучей родственников, и вышло только хуже: он вернулся домой из Ровиня раньше времени, недовольный всем на свете: погодой, гостницей, слишком ярким солнцем, слишком грязным морем, медузами, толпой и всеобщей «пьянкой». О самом море, кроме как о его засорённости (туда все ссут!) и о медузах (привлекает их людская вонь, как вшей), он не говорил ничего, только отмахивался. Тот прекрасный сон об Адриатике, который он хранил много лет был лучше и ярче, чем реальное море — бульон из пузатых мужиков и их намазанных кремом жён «обгоревших как головешка»

И вот эта поездка на море, этот отпуск, убила в нём тот сон, который он хранил сорок лет...

Но я перескочила далеко вперёд: в 1937-1938 родилось у него двое детей, сын да и дочь потом, зачатые где-то в богом забытой сербской глубинке: в Петровцев на Млаве или Деспотовце, Степойовцу, Буковцу, Джуприи, Йелашицах, Матейевицах, Чечинах, Власинах, Княжевцу или Подвису.

Представьте себе карту всего этого огромного региона, представьте точки, поставленные во всех этих местах и линии между ними, адрес улицы и

³⁶ Село в регионе Кралево, области Рашка, Сербия

³⁷ Велебитские горы — хребет в Хорватии.

³⁸ Наследник королевской семьи Павел Карагеоргиевич бежал из Югославии в марте 1941 года в Англию.

дома, войдите в дом, опишите его, не забудьте упомянуть цветы, что растут в палисаднике, не забудьте бросить взгляд на газету, что лежит на столе и рассказать, что обсуждали в то время: пакт Молотова-Риббентропа, цены на масло, бегство королевской семьи³⁸ подвиг воздушного аса Алексича³⁹

Каждое событие той войны связано с ним: каждая бомбардировка Белграда, каждый шаг наступления немецких войск на Восток, а затем их отступление. В пекле войны затерянный домик на Палмотичевой⁴⁰, в подвале которого отец пережил с нами бомбардировки, домик в Степоевцу⁴¹, который отец снимал, имя собственника, цена аренды, но также и общие цены на хлеб, мясо, масло, ракию.

Его разговор с шефом полиции в Княжевце, увольнение со службы в 1942 году, сбор листьев и цветов в Ботаническом саду или на самой Палмотичевой, которую он потом сушит и прикрепляет в папку-гербарий своих детей, подписывая каллиграфическим почерком: „Одуванчик лечебный» (*Taghacum officinale*) и «Липа обыкновенная» (*Tilia*), таким же, каким писал на картах «Адриатическое море» или «Река Власина»

Из мощной реки его биографии отделяются ручьи, притоки судеб людей, с ним связанных, наших судеб. Его работа в 1943-44 гг на сахарной фабрике связана и с судьбой моей матери. Его ранний подъём на фабрику означал и её подъём, ведь, она поменяла солидные дедовы часы с кукушкой из деревенского приданного на курицу и кусок мяса, связана со сбором нас, детей, в школу. Этот утренний ритуал (где-то у соседей работает радио, играет «Лили Марлен»), постный завтрак с цикорием и галетами, оккупационная «мода» 1943-1944 гг, когда носили обувь на деревянных подошвах, ушанки и пальто, перешитые из шинелей.

То, что отец проносил за пазухой такой вот шинели паток с Милишичевой фабрики, где он работал, было большим риском. Это описано в Энциклопедии также как и «диверсия», совершенная по соседству, в Глазной клинике, или «подвиг» Цвеи Каракашевич родом из Румы, которая «саботировала» работу немецкого офицерского клуба на

Французской 7, где работала «поставщицей». Это забавно, потому что благодаря этой Цвеи мы за время войны несколько раз ели настоящих жирных карпов и заливали их французским шампанским, вынесенным всё из того же офицерского клуба «Три гусара», который не оставил вниманием редактор Энциклопедии.

Радости менялись горестями и тут диагнозы всех «оккупационных» болезней: свинка, ангина, коклюш, чесотка, вши и болезни глаз с воспалениями (диагноз доктора Джуровича: эмфизема как последствие постоянного курения). Тут же и объявление на Байлоновом рынке⁴² о расстрелянных заложниках⁴³, среди которых его близкие друзья, имена повешанных патриотов, которые висели на фонарях на Терезии⁴⁴, угрозы немецкого офицера, который требовал у него «аусвайс» в ресторане в Нише, описание чётнической свадьбы⁴⁵ во Власотинце⁴⁶, где всю ночь стреляли из винтовок.

Уличные бои в Белграде в октябре 1944 года тут показаны так, как они выглядели с Палмотичевой улицы, где проходила танковый полк, а на углу валялся вздувшийся конь. Грохот гусениц заглушал допрос какого-то фолькдойча⁴⁷ по имени Франк Герман, чьи крики прорывались даже через грохот битвы из соседнего дома, где офицер ОЗНА⁴⁸ выбивает из него «правду» и вымещает «гнев народа». Взрыв и неожиданная острая тишина, которая установилась на минуту, кровавое пятно на стене соседнего дома, которое увидел мой отец из подвального окна и труп несчастного Германа в позе эмбриона также отражены в Книге мёртвых, также как и комментарий отца.

После войны мой отец работал в Госкадастре, земля снова перемерялась, планы перечерчивались, как бывает после всех революций, войн и неурядиц: качество земли, новые названия немецких сёл и бывших хуторов фолькдойчей. Рыжая мокрая глина, что липла на резиновые подошвы сапог, купленных по случаю у пьяного солдата, понос после отравления протухшими голубцами в какой-то забегаловке в Инджии⁴⁹, гешефт с одним боснийцем-официантом в Сомборе⁵⁰, падение с велосипеда

³⁹ Пилот первой сербской школы лётчиков, открытой в Пожаровце.

⁴⁰ **Палмотичева улица** — улица в Белграде от Народной скушцины (Парламента) Сербии до улицы Деспота Стефана

⁴¹ **Степоевац** - ничем не примечательный городишка в области Лазаревац, Центральная Сербия. Во время войны Белград подвергался бомбардировкам, вот почему, видимо, герой Киша уезжал из Белграда.

⁴² Байлонов рынок (Рынок Скадарлия) — городской рынок в Белграде.

⁴³ Немцы, атакованные сербскими партизанами, использовали тактику гражданских заложников, расстреливая их после каждой акции партизан.

⁴⁴ **Площадь Терезия** — сейчас площадь Трг в Белграде.

⁴⁵ **Чётники** — отряды сербских националистов. Во время оккупации Сербии поддерживали немцев, однако считали своими основными врагами коммунистов-партизан, считая, что после поражения партизан именно они смогут возглавить войну против немцев. Глава чётников Драголюб Михаилович был расстрелян как пособник нацистов, но в настоящее время реабилитирован.

⁴⁶ **Ниш и Власотинец** — города на юге Сербии, недалеко от болгарской границы.

⁴⁷ Т.е. исторического жителя Сербии немецкой национальности, фолькдойчи во время немецкой оккупации получили приоритетные права и именно на них обратился народный гнев после освобождения Югославии в 1944 году.

⁴⁸ ОЗНА - «Отделение за защита на народот» (серб.), Контрразведка коммунистических сил Иосипа Тито, аналог советского СМЕРШа.

⁴⁹ Город в Сербии в области Воеводина.

⁵⁰ Город в Сербии в области Воеводина

и ушиб локтя недалеко от Чантавира⁵¹, ночное путешествие в вагоне для скота на линии Сента-Суботица⁵², покупка жирного гуся домой на новогодний стол, пьянка с русскими инженерами в Бановичах⁵³, удаление гнилого зуба прямо в поле, митинг, на котором промок до нитки, гибель коллеги Степа Богданова, который налетел на мину, (а ещё вчера вместе играли в бильярд), появление легендарного пилота Алексича в небе на Калемегданом, тяжёлое отравление сивухой в чёрте-где под названием Мракодол, езда в забитом грузовике по раздолбанной грунтовке от Зренянина до Елемира⁵⁴, ссора с новым шефом, каким-то Шупутом недалеко от Яше Томича⁵⁵, покупка тонны угля «Бановичи⁵⁶» и очередь, которую надо было занимать в 4 утра на станции «Дунай» в минус пятнадцать, покупка стола с мраморной столешницей на толкучке, завтрак из «американского» сыра⁵⁷ и порошкового молока в рабочей столовой «Босна», болезнь и смерть его отца, уборка на кладбище на Родительскую, ссора с каким-то Петром Янковичем и Савой Драговичем о сталинской линии, в которой всё всегда заканчивалось взаимными проклятиями и «Вот вы *бет вас Сталин!»⁵⁸

Страх, который распространился в воздухе в это время, Книга описывает как тяжёлый, липкий, разный Страх. Страх, который поразил отца и его коллег, однажды утром он узнал, как тот самый Пётр Янкович, его коллега и троюродный брат ходит каждый день в 6 утра в Управление Безопасности по доносу всё того-же Савы Драговича и приходит на работу с опозданием, с красным лицом, опухшим от оплеух и бессоницы. Каждое утро в течение долгих 6 месяцев он рассказывал там о всех тех, кто делился с ними своими «заблуждениями» об СССР и слушал «Радио Москву».

Опущу семейные мелочи: ссоры, примирения, походы в баню, всё тё семейную жизнь с её горестями и радостями, пропустим список домашнего инвентаря, который скрупулёзно приведён в Книге. (Собрание сочинений Максима Горького, радио марки «Ореон», олеандр в огромном деревянном сундуке⁵⁹, бочку где квасили капусту, чашку с тарелкой, которую ему подарила с первой зарплаты

и бутылку коньяка «Мартелл», которую он выпил за один ужин).

Но Энциклопедия Мёртвых писала и о душевном состоянии человека, это не сухой инвентарный список, ни просто набор событий как Книга Бытия или Книга Царств в Библии, здесь было место и взглядам на человека и Бога, о его сомнениях о жизни после смерти, о его моральных нормах, но она не говорила об этом напрямую, она тонко сводила описание его материальной жизни к тому, что за таким описанием открывалась картина другой, внутренней жизни человека.

Иногда Редакторы оставляли без комментариев некоторые факты: проведение электричества и центрального отопления в 1969-м, появление лысины о моего отца, неожиданно появившаяся у него прожорливость, приготовление освежающего напитка по рецепту из «Забавника»⁶⁰, внезапно открывшаяся страсть к филателии, - возможно, разглядывая марки в лупу, он мысленно путешествовал по далёким странам. Я читала, что склонность к филателии проявляют мирные и стабильные люди, мало склонные к авантюрам и приключениям, тайные романтики, о чём говорил и пожизненный платонический роман моего отца с Морем. Так он заменил реальные путешествия путешествиями в воображении, а интерес его первого внука к тем же маркам был ему легальным оправданием чтобы не выглядеть стареющим чудачком в глазах людей и, главное, в своих.

Внезапно он стал недоволен ничем, на него напала старческая меланхолия и тоска, его не радовало ничего — ни дети, ни внуки, ни относительное спокойствие жизни, он начал брюзжать и всё чаще напиваться. Тогда на этого совершенно мирного человека напал бес, он материл Бога, небо, землю, русских, американцев, немцев, свою «нищенскую» пенсию, которую ему определили, хотя он «горбатился и вкалывал всю жизнь», а прежде всего материл телевизор, который вносил в его старческие вечера иллюзию жизни.

С утра каждого дня, придя в себя, уходил на террасу, брал клетку с канарейкой и кормил её, а потом подолгу разговаривал с птицей, высоко держа клетку

⁵¹ Городок на самом севере Сербии.

⁵² От Сенты до Суботицы ехать не больше 40 км.

⁵³ Городок в Боснии.

⁵⁴ От Зренянина до Елемира всего 8 км.

⁵⁵ Яша-Томич — деревня на границе в Румынии.

⁵⁶ То есть уголь, выработанный на шахте «Крека-Бановичи» в Тузле (сегодня - Босния и Герцеговина), в Социалистической Югославии (СФРЮ) такой же бренд, как у нас - «донбасский уголь».

⁵⁷ То есть плавленый сыр.

⁵⁸ Лидер СФРЮ Иосип Брос Тито старался проводить линию, независимую от Москвы, что вызвало в ссору Сталина и Тито в 1947-1948 гг. Для того, чтобы не допустить действий советской разведки в СФРЮ, Тито создал свою государственную Службу безопасности, методы которой не сильно отличались от НКВД.

⁵⁹ Сушёные цветки олеандра использовали в народной медицине как лекарство, средство от бессонницы, головной боли и нервного возбуждения.

⁶⁰ «Политикин Забавник» - самый популярный журнал в СФРЮ, заменял югославским читателям, одновременно и «Крокодил» и «Науку и жизнь» и «Ридерз Дайджест».

над головой, а бывало, скинувши пижаму, кряхтя, одевался, надевал шляпу и шёл на Главпочтамт на Таковскую, где покупал марки. Вечером же, сваривши кофе, сидел на плетёном кресле рядом с внуком и раскладывал их пинцетом по кляссерам.

В минуты отчаяния он начинал жаловаться: на то, что ему не повезло получить нормальное образование, а нет ничего хуже в этом мире, чем жить невеждой, что он не видел всего того, что может увидеть «образованный и богатый человек» - ни моря ни чужих столиц, но его путешествие в Триест завершилось также плохо, как и его поездка на море в Ровинь.

Так в 66 лет он впервые пересёк границу — и то только после долгих убеждений и упрасиваний: и что только нам не пришлось тогда выслушать, - что умный человек не едет в ту страну, языка которой не знает, что он не собирает везти обратно контрабанду⁶¹ и зачем ему эти спагетти и кьянти в Триесте, если ему вполне хватает мостарской жилавки⁶² и прокупацкого белого⁶³. Но его всё-таки заставили сделать паспорт.

Приехал с той поездки в бешенстве, поссорился с моей матерью, ботинки, которые она ему купила, ол, пропускали воду да ещё и жали, а милиция где-то в районе границы обшмонала и перерыла ему весь чемодан.

Стоит ли говорить, что эта поездка в Триест, ливень перед отелем «Адриатико», когда он стоял под ливнем без зонта, мокрый как старая бездомная дворняга (пока моя мать выбирала на Понте Россо⁶⁴ ботинки) — всему этому в Энциклопедии также уделено достойное место. Единственное, что его радовало в этой несчастливой поездке, это покупка семян цветов.

На прилавке стояли цветы и лежали семена и цена была такой высокой, что пришлось хорошенько поторговаться. В то время Дж.М. увлекался «украшением палисадника и террасы декоративными растениями» (следует список цветов, инвентаря, горшков).

Неожиданно в это время он начинает тратить всё свободное время на украшение цветочным орнаментом всего, что видел вокруг. Это взрыв любви к искусству у него случился совершенно внезапно: недовольный (а он к тому времени был недоволен всем), как один военный пенсионер, художник-самоучка, раскрасил им ванну (напевая всё время «Козарчанку»⁶⁵), двигая кистью в такт), мой отец засучил рукава. Так появился на свет первый цве-

ток — огромный то ли колокольчик, то ли лилия, вряд ли он сам знал, что это было.

Все мы его похвалили, приходили даже соседи, чтобы посмотреть на его работу и его любимый внук выразил искренний восторг. Так всё и началось. Пришла очередь окна в ванной, на котором нарисовал маленькие полевые цветы, синие как василёк, да так, что цветы, нанесённые прямо на стекло, давали иллюзию занавески.

С того времени начал рисовать, без роздыху, не выпускаю сигарету изо рта, в тишине лишь было слышно, как хрипит его дыхание, как будто кузнечные меха. Покрывал цветами старые ободранные сундуки, фарфоровые абажуры ламп, бутылки от коньяка, стеклянные кувшины и вазы, стеклянные чашки для растворимого кофе, деревянные ящики для сигарет. На одном сифоне для содовой написал названия белградских кафан чёрным по синему, так, как на картах пишут названия островов: Бриони, Бока, Галеб, Морнар, Зора, Серпска кафана, Венские врата, Стамбульские врата, Скадарлия, Три шляпы, Два оленя, Под липой, Три грозди винограда, Шуматовац, Семь дня, Марш на Дрину, Калемегдан, Коларац, Родина, Пахарь, Обреновац, Опленец, Душанов Град, Ушче, Смедерево, Охотничий Рожок, Знак вопроса, Последний шанс.

Составитель Книги не упустил необычную подробность, что отец умер ровно на двенадцатый день рождения любимого внука, как и то, как и его недовольство тем, что последнему внуку дали его имя. Мы думали, что сможем потрафить ему, показать наше внимание и заботу, он же только пробурчал что-то невразумительное, но я то видела за его очками далёкого предвестника того ужаса, который пришёл год спустя, когда ему уже было известно о Конце.

Эта дорога живых и мёртвых, этот всеобщий миф о смене поколений, этот обманный наркотик, которую придумал человек, чтобы заглушить мысль о смерти, мой отец воспринял как оскорбление, именование его именем новорождённого ребёнка, его внука, были последней соломинкой. Я тогда ещё сама не знала о его опухли, а он знал и подозревал, а может и знал точно, чем она закончится.

Конечно, Энциклопедия описывает его похороны, кто отпевал, кто выходил из церкви, количество венков, сколько зажгли свечей за его душу. Речь над гробом читал его давний коллега из Управления Кадастра Никола Бешевич (Наш друг

⁶¹ Выезд югославских граждан за границу проходил гораздо проще, чем советских граждан — недаром югославский паспорт называли «вездеход», чаще всего ездили в Италию и Австрию, откуда неизменно привозили дефицитные товары небольшими контрабандными партиями.

⁶² То есть вина из винограда сорта «Жилавка», который растёт в районе боснийского города Мостар.

⁶³ Вино с виноградников города Прокуплье, Южная Сербия, рядом с границей с Косово.

⁶⁴ Ponte Rosso — Красный мост, один из трёх мостов через Большой канал (Канал Гранде) в Итальянском Триесте.

⁶⁵ В данном случае, песня югославских коммунистов, «Девушка из Козары» (города в Боснии), также — название популярной во времена Тито фотографии девушки в пилотке, сделанной сыном русского эмигранта Жоржем Скрыгиным.

Джуро честно служил Родине и до войны, и во время войны, и после, во времена восстановления нашей разрушенной Родины). Речь приведена в целости, не смотря на общие места и повторы. Последнее слово над гробом земляка — это важно, настолько, чтобы привести её полностью, а повторы — так не все же ораторы, это точно знал составитель Книги. «Вечная память и пусть земля ему будет пухом!»)

Тут бы мог быть и конец и тут бы и завершить мои записки. Приводится список вещей, которые остались после него: рубашки, паспорт, документы, очки (как больно они блеснули в свете дня, когда я открыла футляр). Всё то, что отдали моей матери в больнице на следующее утро после его смерти. Ничего не пропустили: ни пачку папирос «Морава», ни номер «Иллюстрированной политики» с решённым его рукой кроссвордом.

Даются имена врачей, медсестёр, сиделок, день и час операции, когда доктор Петрович сделал разрез, покачал головой и начал зашивать обратно, потому что саркома была уже слишком большой и давно поразила другие органы. Нет у меня сил описывать его взгляд, каким он смотрел на меня на ступенях больницы за день-два до операции, в нём была вся жизнь и весь ужас сознания смерти. Всё, что ещё живой человек может знать о смерти.

Я стояла в той ледяной зале библиотеки, озябшая и заплаканная, совсем потеряв представление о времени, о месте, где я нахожусь. Изо всех сил я

старалась записать как можно больше о моём отце, чтобы сохранить память об этой работе, чтобы в минуты отчаянья вспоминать, что есть на свете те, кто доказали что его жизнь не была напрасна, что всякая жизнь, всякое страдание и история каждого маленького человека сохранена.

Последнее, что я увидела была картонка, похожая одновременно на вставку и на гербарий некоего ископаемого цветка, что была вставлена между страницами. В пояснении прочитала, что это был основной цвет в рисунках моего отца. Был он похож на какой-то подсолнух-переросток или на гнилой апельсин с тонкими красными нитками капилляров. На какое-то мгновение я была разочарована: я отлично знала рисунки моего отца и никогда он не использовал такого ужасного цвета. Всё-таки, и ОНИ могут ошибаться, подумала, и перевернула картонку с ужасным гербарием. Мелким шрифтом, объяснение продолжалось и на другой стороне. Прочитала — и на меня словно вылили ушат холодной воды..

Стояла ошарашенная и жалкая.

На последней странице было написано, что Дж.М. начал рисовать именно тогда, когда в нём родились первые раковые клетки. Его маниакальное рисование цветов шло параллельно с развитием болезни.

Когда показала тот рисунок доктору Петровичу, он с удивлением подтвердил, что саркома внутри моего отца выглядела именно так. И росла она, без сомнения, в течение нескольких лет.

Данило Киш. 1981
Виталий Семёнов 2017

